

На следующий день Шэнь Юй, как обычно, лениво посвистывая, с леденцом во рту расхаживал у школьных ворот, карауля нужного человека.

Прозвенел первый звонок, а знакомой фигуры так и не появилось.

День-день-день —

Прозвенел второй, предупредительный звонок. Шэнь Юю пришлось, нахмурившись, возвращаться в класс.

По пути в класс он явственно ощущал на себе множество взглядов — кто-то откровенно, кто-то украдкой его рассматривал. Шэнь Юй сохранял спокойствие и хладнокровие, пропуская мимо себя все эти взгляды — любопытные, восхищенные, враждебные. Он прошел по длинному коридору и вернулся в первый класс.

Всё утро Чжоу Цзиньшэн так и не появился. Немного подумав, Шэнь Юй решил воспользоваться обеденным перерывом и сходить в медпункт перевязаться.

Чэнь Мяомяо, как обычно, была там и возилась с кучей медицинских принадлежностей, явно находя в этом большое удовольствие.

Насколько Шэнь Юй знал, хотя они и были близнецами, здоровье у Чэнь Мяомяо было намного слабее, чем у брата. С детства она часто болела, постоянно какие-то мелкие недуги, обследовалась в нескольких больницах, но врачи так и не смогли найти причину.

Подружившись со школьным врачом, Чэнь Мяомяо, судя по всему, решила превратить медпункт в свою тайную базу.

Услышав шаги, Чэнь Мяомяо обернулась и, увидев в дверях Шэнь Юя, радостно улыбнулась:

— Шэнь Юй, пришел перевязываться?

Шэнь Юй мягко улыбнулся в ответ, взял лекарство, поставил на тумбочку и задернул белую штору.

— Ты бинт забыл.

Рука Чэнь Мяомяо просунулась в щель между шторами. Шэнь Юй поблагодарил и взял бинт. В момент передачи Чэнь Мяомяо повернула запястье и легонько коснулась пальцев Шэнь Юя.

Шэнь Юй: "..."

Кожные ощущения полностью совпали с воображаемыми: нежные, как яшма или нефрит, мягкие, как весенние бутоны.

Добившись своего, Чэнь Мяомяо довольно усмехнулась и, пока Шэнь Юй не опомнился, поспешно сменила тему:

— Кхм, Шэнь Юй, ты теперь у нас в «Цзинъяне» знаменитость!

В воздухе пахло дезинфицирующим средством. Шэнь Юй принюхался — как всегда, запах ему не очень нравился.

Подыгрывая Чэнь Мяомяо, он разрезал бинт ножницами:

— И чем же я прославился?

— Вчерашнее событие на форуме уже обсосали со всех сторон! Я тебе скажу...

Голос Чэнь Мяомяо понизился, она, уцепившись за штору, с заговорщицким видом зашептала:

— Раньше, может, на это и не обратили бы внимания. Пару лет назад Чжоу Цзиньшэн был просто неуправляемым. Хотя в «Цзинъяне» официально было самоуправление учеников, по-настоящему школа передала власть ученикам только когда Чжоу Цзиньшэн стал президентом совета.

— Тогда в «Цзинъяне» если Чжоу Цзиньшэн говорил «один», никто не смел сказать «два». Но сейчас всё иначе. Хотя Чжоу Цзиньшэн по-прежнему непредсказуем, он уже давно не распускал руки. Поэтому все гадают, чем же ты так насолил Чжоу Цзиньшэну, что его аж обратно в Сыхуаюань отправил, даже на уроки ходить перестал.

Спасибо за приглашение, не очень-то и хотелось прославиться таким способом.

И потом, Чжоу Цзиньшэна явно не из-за злости отправили в Сыхуаюань, он просто повод нашел, какой захотел.

Стоп —

Шэнь Юй осознал.

Шэнь Юй улыбнулся.

Чжоу Цзиньшэн, ты, собака такая...

Меня же в козла отпущения запряг!

В кабинке за шторой долго не было ни звука. Чэнь Мяомяо, не зная, что там напридумывала, нахмурилась, смягчилась сердцем и поспешила утешить:

— Ты не переживай! У Чжоу Цзиньшэна на самом деле нет плохих намерений, просто он немного замкнутый. Другие еще хуже. Не думай, что все такие хорошие, как я и мой брат.

Довольно благородно с её стороны. Шэнь Юю вдруг пришла в голову мысль:

— Чэнь Мяомяо, а ты случайно не влюблена в Чжоу Цзиньшэна?

Он поднял руку, легко сдвинул штору — и та с шуршанием распахнулась.

Чэнь Мяомяо как раз вцепилась в штору и не ожидала, что Шэнь Юй внезапно её отдернет. Она выпустила ткань из рук.

Мгновенно они оказались лицом к лицу, глаза в глаза, уставившись друг на друга.

Чэнь Мяомяо вдруг отвела взгляд, и, услышав слова Шэнь Юя, неожиданно покраснела. Она сердито посмотрела на Шэнь Юя:

— В-вовсе нет!

Ну прямо-таки «нет, не воруй, я просто замерзла». Шэнь Юй просто так наугад бомбанул, а оказывается, попал в точку. При каждом разговоре Чэнь Мяомяо обязательно заводила речь об этом человеке — внимательный бы сразу заметил неладное.

Шэнь Юй приподнял бровь:

— Значит, ты тогда проявила ко мне такой интерес, чтобы выведать информацию о Чжоу Цзиньшэне?

Поняв, что её план раскрыт, хитрая Чэнь Мяомяо сразу потупила взгляд и жалобно захлопала на него глазами.

Прямо как лиса. Шэнь Юй сдался и, бессильно прижав ладонь ко лбу, вздохнул:

— Ладно, но у меня есть условие.

Чэнь Мяомяо мгновенно ожила:

— Какое?

— Ты же знаешь, я сейчас, наверное, кому-то не нравлюсь. — Шэнь Юй повернул голову и пристально посмотрел на неё, уголки губ изогнулись в улыбке. — Тебе придется меня защищать!

Ослепленная этой улыбкой, Чэнь Мяомяо почувствовала небывалый подъем. Она выпрямила спину, хлопнула себя по груди и, зажмурившись от решимости, пообещала:

— Конечно, без проблем! Если кто к тебе привяжется, смело обращайся ко мне. В пределах моих возможностей я обязательно помогу!

— Отлично.

— Но предупрежу сразу.

Шэнь Юй склонил голову набок:

— М?

— Вообще-то, кхм, возможности у меня... довольно скромные...

Шэнь Юй: "....."

Последующие полмесяца, как и следовало ожидать, Чжоу Цзиньшэн на уроках не появлялся.

Но ожидать-то ожидал, а времени — всего три месяца, и оно очень сжато. Полмесяца пропали впустую. Шэнь Юй готов был крылья отрастить и полететь в Сыхуаюань, чтобы похитить Чжоу Цзиньшэна из резиденции Чжоу и притащить обратно в «Цзиньян».

Полмесяца — любой, даже самый затяжной, синяк уже должен был пройти.

План Шэнь Юя с «доведением до жалости» провалился окончательно.

Позже пропали не только Чжоу Цзиньшэн, но и Чэнь Цзиньян с Чэнь Мяомяо — их тоже стало не видеть.

Невидимые тучи нависли над Шанцзином. Подобно тому, как океанские приливы подчиняются

притяжению Луны, эти тучи накатывали слоями, вздымались и опадали — безмолвно и бесшумно.

Но эта волна ничуть не затронула обычных учеников государственной школы «Цзинъян». Все как обычно ели, учились, спали — ритм жизни ничем не отличался от прежнего.

Староста класса, он же президент клуба лучников, по его рекомендации Шэнь Юй успешно вступил в клуб и заодно привлек туда Чэн Итань. Они иногда вместе ходили на занятия.

День за днем проходила однообразная жизнь. Когда Шэнь Юй уже начал подумывать о том, чтобы устроить какой-нибудь переполох, как раз настал день основания школы «Цзинъян», и Чжоу Цзиньшэн вернулся.

В тени густых крон деревьев праздничные мероприятия проходили в большом актовом зале «Цзинъяна».

Женщина, выступавшая на сцене, была в длинном платье, волосы высоко убраны. Она присутствовала как выпускница «Цзинъяна», поговаривали, что недавно пожертвовала школе новое здание для искусств и спорта. Речь её, подводя итоги прошлому, устремляясь в будущее, сосредотачиваясь на настоящем, была полна остроумия и изящества. Алые губы — яркие и ледяные.

Но улыбка её никогда не достигала глаз.

Шэнь Юй, проживший эту жизнь один раз, в первом круге потратил немало усилий, чтобы хоть немного разобраться в запутанных родственных связях рода Чжоу, и, конечно, узнал её.

Ядовитая роза, ярко цветущая в Сыхуаюане, — тетя Чжоу Цзиньшэна, Чжоу Жухуэй.

Но сейчас не в женщине было дело. Шэнь Юй отвел взгляд, обвел глазами огромный зал, но так и не увидел того, кого искал.

На душе стало тоскливо. Шэнь Юй сказал Чэн Итань, что выйдет, и покинул зал.

Он поднялся по винтовой лестнице сбоку от зала, намереваясь пройти через вспомогательный корпус обратно в класс, может, повезет и случайно столкнется там с Чжоу Цзиньшэном.

Проходя мимо одной из аудиторий во вспомогательном корпусе, он заметил, что дверь приоткрыта. Внутри никого не было, повсюду громоздились разные вещи.

Шторы колыхались на ветру. В углу аудитории одиноко стояло черно-коричневое пианино, давно покрытое пылью.

Кошунство!

Шэнь Юй невольно остановился и вошел внутрь. Пыль его не смущала, он открыл крышку и легко провел длинными пальцами по черно-белым клавишам.

Проверил — все клавиши целы.

Ненависть к богатству тут же вскипела в Шэнь Юе. Не в силах выплеснуть энергию иначе, он молча сделал пару ударов кулаками по воздуху.

Между библиотекой «Цзинъяна» и вспомогательным корпусом пролегала глубокая лесная тропа.

Ряды падуба стояли густые, как облака. Недозрелые красные ягодки теснились друг к другу, колыхаясь и накапливаясь в дикой красе. Густая тень падала на землю. Чем дальше, тем темнее становился свет.

Как только он вышел из Сыхуаюаня, всякая нечисть полезла отовсюду, чтобы ему досадить.

Разобравшись с очередной группой хулиганов, неизвестно кем подосланных, Чжоу Цзиньшэн прислонился спиной к стене. Острые брови нахмурились, закусив бинт зубами, он неторопливо обматывал запястье, как вдруг услышал звуки пианино.

Чжоу Цзиньшэн замер.

Мелодия лилась завораживающе, словно внезапно оступившись, погружалась в глубокое море.

Чем глубже вниз, тем меньше слышны звуки земли, тем ближе к гнетущей тьме. Внезапно нахлынувшие, словно плотная вода, заполнили всё вокруг, и мир начал затихать.

Подводный снег кружился густо, пронзая глубину, словно слабый свет на дне морском.

Музыка коснулась уголков губ и исчезла, словно дыхание.

Чжоу Цзиньшэн поднял глаза, взгляд его пронзил многослойную зелень, но видел лишь, как большое стекло в лучах солнца излучает свет.

Это было похоже на залитую солнцем комнату в его воспоминаниях.

После окончания праздничных мероприятий Шэнь Юй остро ощутил, что многие знакомые лица исчезли.

Как позже рассказала Чэнь Мяомяо, в основном это были те, кто не смог четко определить свою позицию среди семей. Они в одночасье рухнули с вершины, ударившись больно и жестоко, и теперь в жалком положении.

Днем Шэнь Юй столкнулся с Чжоу Цзиньшэном у входа в спортзал. Хотя раньше в мыслях Шэнь Юя было одно: во что бы то ни стало подобраться и поднять рейтинг симпатии Чжоу Цзиньшэна, но как ни крути, после того как тебя избил, всё равно бежать и лебезить — это неизбежно вызовет подозрения.

Ведь даже у глиняного человечка есть чувство собственного достоинства.

Шэнь Юй считал, что сам он может быть и похуже глиняного человечка, но, учитывая необходимость сохранения адекватности образа, ему пришлось временно отказаться от тактики подлизывания.

У входа в спортзал Чжоу Цзиньшэн только что закончил урок тенниса.

С сумкой для ракеток за одним плечом, в школьной спортивной форме «Цзиньяна» — белая футболка, черные шорты — он выходил из спортзала в окружении толпы.

Даже в толпе Чжоу Цзиньшэн был очень заметен.

Взгляд упал на обнаженные икры под спортивными штанами — мускулистые, развитые. Взгляд скользнул выше. Белая футболка пропиталась потом после интенсивной тренировки, мускулатура, обычно скрытая школьной формой, проступала еще рельефнее, с четкими очертаниями.

От всего его облика веяло жаром после физической нагрузки, интенсивным мужским феромоном.

Взгляд Шэнь Юя скользнул выше.

На лбу Чжоу Цзиньшэна — черная повязка с логотипом «Байфань», впитывающая пот. Волосы у висков слегка влажные. Грудная клетка равномерно вздымалась, излучая жар.

Чжоу Цзиньшэн тоже явно заметил Шэнь Юя. Легкий, мимолетный взгляд — словно блеск крови на лезвии ножа.

Он первым остановился.

Стоявшие за ним молодые господа из богатых семей тоже замерли, и их взгляды, полные изучения и оценки, без стеснения устремились на Шэнь Юя.

Это в основном были отпрыски знатных домов. Даже если они сами не отдавали себе в этом отчета, присущее им с рождения чувство превосходства невольно просачивалось наружу.

Чжоу Цзиньшэн, казалось, был обладателем глушителя звуков. Где он проходил, там не оставалось ни звука. Для кого-то, кто страдает от шума, это, возможно, было бы удобно.

На мгновение атмосфера стала напряженной, готовой вот-вот взорваться.

Шэнь Юй моргнул, находя ситуацию забавной.

Видя, что расстояние между ними всё сокращается, Чэн Итань, пришедшая на урок вместе с Шэнь Юем, не выдержала тяжелого взгляда Чжоу Цзиньшэна, который коснулся и её. Она сильно толкнула Шэнь Юя в плечо и тихо прошептала:

— Шэнь Юй...

Шэнь Юй скользнул взглядом по Чжоу Цзиньшэну.

Спустя мгновение он отвел глаза и, улыбнувшись Чэн Итань, сказал:

— Пошли, а то опоздаем.

Словно не замечая Чжоу Цзиньшэна, Шэнь Юй, не глядя по сторонам, прошел мимо него.

У Чжоу Цзиньшэна не было ни времени, ни желания тратить силы на того, кто для него, по сути, ничего не значил, чтобы становиться друзьями. Это было правилом не только резиденции Чжоу, но и его собственным.

Но когда человек, который сначала был к тебе активен и внимателен, внезапно становится холодным и равнодушным, это чувство пренебрежения не может не задеть.

Вместе с этим чувством родилось и другое, неясное ощущение неловкости. Чжоу Цзиньшэн уже давно, с тех пор как привел себя в гармонию с самим собой, не испытывал подобных чувств.

А сегодня они вдруг воскресли, как тополиный пух, упавший на сердце.

Легкие, почти невесомые, но они всё же были там.

Они словно говорили: «Смотри, смотри...

Этот человек ничем не отличается от других.

Этот мир до того скучный, унылый, однообразный и серый до невозможности.

Никакого интереса.

Никакого интереса.

Как же всё это надоело».

Чжоу Цзиньшэн приподнял веки и, когда Шэнь Юй проходил мимо, скользнул взглядом по пальцам его руки, опущенной вдоль штанины.

Осознав свои действия, Чжоу Цзиньшэн словно обжегся. Он резко одернул себя, сильно прикусил язык, и в глазах мелькнула тень жестокости.

Нахмурившись, он повел свою группу прочь.

<http://bllate.org/book/15910/1427398>